

УДК 94.47

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/7

ПОМГЛАВКОРУМ ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЩЕРБАЧЕВ И ЛИКВИДАЦИЯ РУМЫНСКОГО ФРОНТА ЗИМОЙ – ВЕСНОЙ 1918 г.

М.В. Оськин

Институт законовeдения и управления Всероссийской
полицейской ассоциации

Россия, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98

E-mail: maxozv@yandex.ru

Авторское резюме

Выход России из Первой мировой войны после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. предполагал упразднение русской действующей армии. Переход высшей военной власти в руки большевистской Ставки Верховного командования и объявление перемирия означали, что это упразднение будет происходить в короткие сроки. Каждый из пяти русских фронтов должен был озаботиться своей ликвидацией. Единственным фронтом, где ликвидация прошла сравнительно организовано и упорядоченно, стал Румынский фронт. Прочие фронты еще до окончания демобилизации вступали в разворачивавшуюся в России гражданскую войну. Румынский фронт – единственный, располагавшийся на территории союзного государства – Румынии. Присутствие иностранной армии смягчило последствия большевистского переворота для русских войск в Румынии. Кроме того, оккупация румынскими войсками Бессарабии позволила штабу Румынского фронта упорядочить демобилизацию войск. Ликвидация фронта, помимо демобилизации личного состава войск и конского состава подразделений, предполагала и вывоз военного имущества в Россию. На всех фронтах большая часть военного имущества была либо разграблена или потеряна, либо досталась противостоящим сторонам гражданской войны. На Румынском фронте помглавкору Д.Г. Щербачеву и его сотрудникам удалось складировать большую часть имущества, передав его румынам на хранение. В конечном счете это имущество все равно досталось Румынии. Однако в случае поражения советской власти оно было бы возвращено новому политическому режиму, объявившему о своем правопреемстве от Российской империи.

Ключевые слова: Румынский фронт, демобилизация армии, генерал Щербачев, ликвидация фронта, фронтовые склады, военное имущество.

POMGLAVKORUM DMITRY GRIGORIEVICH SHCHERBACHEV AND LIQUIDATION OF THE ROMANIAN FRONT IN THE WINTER – SPRING OF 1918

M.V. Oskin

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian
Police Association

98 Boldin Street, Tula, 300028, Russia

E-mail: maxozv@yandex.ru

Abstract

Russia's withdrawal from WWI after the Bolsheviks had come to power in October 1917 suggested the abolition of the Russian army. The transfer of the highest military power into the hands of the Bolshevik Headquarters of the High Command and the declaration of a ceasefire meant that this abolition would occur in a short time. While each of the five Russian fronts had to attend to its liquidation, the only one that managed to organise a relatively orderly procedure was the Romanian front. Other fronts entered the unfolding Civil War in Russia even before the end of demobilisation. As the Romanian front was located on the territory of the union state, Romania, the presence of a foreign army softened the consequences of the Bolshevik coup for the Russian troops in Romania. In addition, the Romanian occupation of Bessarabia allowed the Headquarters of the Romanian Front to streamline the demobilisation of troops. The liquidation of the front, together with the demobilisation of the service personnel and the complement of horses, involved the military property removal to Russia. On all fronts, most of the military property was either plundered or lost, or appropriated by the opposing Civil War sides. Pomglavkorum (Deputy Commander-in-Chief of the Romanian Front) D.G. Shcherbachev and his assistants managed to depot most of the property through transferring it to the Romanians for storage. Finally, this property went to Romania. However, if the Soviet regime had failed, it would have been returned to the new political regime succeeding the Russian Empire.

Keywords: Romanian front, army demobilisation, General Shcherbachev, liquidation of front, front depots, military property.

Установление советской власти в России по результатам переворота 25–26 октября 1917 г., помимо прочего, означало преждевременный выход страны из Первой мировой войны. Принятый II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов Декрет о мире предполагал проведение этого выхода в короткие

сроки, а значит, скорое упразднение Восточного фронта. Переход Ставки Верховного командования в руки большевиков потребовал от фронтовых командований (к ноябрю 1917 г. русская действующая армия имела пять фронтовых управлений) реализации Декрета о мире в жизнь.

Следовательно, в конце 1917 г. важнейшей задачей штабов фронтов стало установление взаимоотношений с немцами и их союзниками, которые велись согласно курсу Совета народных комиссаров (выход России из войны и демобилизация армии). Солдаты не желали воевать, настаивали на отправке на родину, а наиболее радикально настроенная часть военнослужащих выполняла приказы большевиков. Чем дальше, тем сильнее падали объемы снабжения Восточного фронта, а склады стали ареной противостояния различных политических сил. Удержать армию в окопах для военных действий не было возможности, следовало провести демобилизацию как можно скорее и эффективнее, особенно учитывая начинавшуюся в России гражданскую войну.

Из пяти русских фронтов лишь один – Румынский – находился в особенной ситуации: три четверти личного состава фронта располагались на территории союзника – Румынского королевства и воевали плечом к плечу с союзными войсками. Этот фактор, с одной стороны, ставил упразднение Румынского фронта в определенную зависимость от союзников, остававшихся дисциплинированной силой, а с другой – позволял избежать хаоса и разгрома в период демобилизации, которая на прочих фронтах объективно вылилась в развал военных структур. Реализация упразднения фронта возлагалась на помглавкорума (помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта – главкомом номинально считался румынский король Фердинанд I) генерала от инфантерии Дмитрия Григорьевича Щербачева, занявшего этот пост в апреле 1917 г. и вышедшего в отставку 25 марта 1918 г.

9 декабря, уже разгромив централизованные большевистские структуры в Бессарабии и учитывая, что румыны подписали с немцами Фокшанское перемирие, Д.Г. Щербачев также присоединился к заключенному акту. С этого момента начался процесс ликвидации Румынского фронта как составной части общего упразднения Восточного фронта Первой мировой войны. Данная ликвидация прежде всего включала в себя демобилизацию людей – войск и различных тыловых служб, решение проблемы конского состава русских войск и, наконец, сохранение военного имущества фронта и ближайшего тыла для Румынского фронта, располагавшегося в регионах Одесского военного округа и, в первую очередь, в Бессарабской губернии.

Деятельность штаба фронта затрудняла слабостью кадрового состава – к концу 1917 г. был смещен со своих должностей ряд высших командиров, включая всех командармов, а сам Д.Г. Щербачев лишился своих ближайших сподвижников. Еще в октябре генерал-квартирмейстер А.А. Незнамов уехал в отпуск и не вернулся. После разгрома большевистского руководства на станции Соколы в начале декабря подал в отставку пустивший дела на самотек начальник штаба Г.Н. Вирановский. Оставшись без помощников, помглавкорум пригласил на его место своего бывшего начальника штаба Н.Н. Головина, находившегося в Одессе, но тот отказался из-за болезни, и этот пост занял приехавший по вызову Щербачева из Киева командир 18-го армейского корпуса А.В. Геруа (ГАРФ 5: 25).

Благоприятное течение процесса демобилизации затруднялось тем, что и в Бессарабии, и на Украине были образованы собственные правительства (молдавский Сфатул Цэрий и украинская Центральная Рада соответственно). Притом Румынский фронт находился в тесном взаимодействии с Первым (8-я армия Румынского фронта стояла в Бессарабии, где были расположены важнейшие склады продовольствия и военного имущества фронта) и подчинялся Второй (что стало следствием политического лавирования, дабы выйти из прямого подчинения Совету народных комиссаров во главе с В.И. Лениным). Образование на Румынском фронте национальных частей – польских, украинских, мусульманских, молдавских – потребовало их обеспечения личным составом и материальным имуществом, что подрывало централизацию демобилизационных мероприятий.

Первым делом в ликвидации фронта стала организация процесса демобилизации личного состава войск. Изначально предполагалось, что она будет проводиться на русской территории, т. е. в Бессарабии, причем численность войсковых соединений должна была вернуться к составу на 1 августа 1914 г. Учитывая, что три русские армии (4-, 6- и 9-я) находились на территории Румынии, штаб фронта предписывал, что отход в Бессарабию «будет совершен пешим порядком, причем части войск, учреждения и заведения берут с собой все наличное имущество, которое может быть перевезено средствами войсковых обозов и транспортами. Остальное имущество вывозится по железным дорогам и путем кругооборотов транспортов» (ГАРФ 4: 12 об.). Таким образом, в декабре 1917 г., невзирая на начавшееся противостояние с советской властью (события в Соколах), помглавкорум еще рассчитывал на благоприятное развитие ситуации в деле ликвидации фронта.

Телеграмма Д.Г. Щербачева армиям фронта от 15 декабря 1917 г. сообщила, что демобилизация начинается. В тот момент еще не было

понятно, чем закончится вооруженная борьба в России – и прежде всего в столицах (определенный антибольшевистский расчет делался на итоги выборов в Учредительное собрание), но факт невозможности революционной России продолжать войну являлся неоспоримым. Исходя из данного постулата, штаб Румынского фронта рассчитывал провести максимально организованные демобилизационные мероприятия, возвращая солдат и офицеров на родину. В телеграмме помглавкорум указал, что ждет от вверенных ему войск «терпеливого ожидания своей очереди к отправке по железным дорогам, так как запасов в Румынии по пути следования войск походом нет, и люди принуждены были бы голодать, тогда как на фронт в места настоящего расположения частей им будет подаваться все необходимое». Особо оговаривалось, что «все оружие и материальная часть, освобождающиеся при демобилизации, не будут оставляться в Румынии, а тотчас же вслед за уволенными людьми будут отправляться из украинских корпусов на Украину, а из великорусских в Москву. Только оставаясь на местах, можно заключить мир» (РГВИА 1: 14 об.).

Тем не менее расчеты Щербачева и его сотрудников не оправдались. Во-первых, находившиеся в Бессарабии войска 8-й армии поддержали советскую власть в лице располагавшегося в Одессе Румчерода (Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа), включившись в гражданскую войну на юго-западе России. Во-вторых, 13 января Д.Г. Щербачев сложил с себя полномочия командующего Украинским фронтом и вернулся к командованию только на Румынском фронте, т. к. Украинская Народная Республика начала сепаратные переговоры о мире с немцами. Вплоть до окончания демобилизации украинские представители пытались оказывать давление на помглавкорума, а затем и на его преемника А.А. Пержхайло, которое, впрочем, ни к чему не привело. Главную причину необоснованности украинских претензий показывает записка «Демобилизация Румынского фронта»: «...необходимо особо подчеркнуть, что за время, пока фронт числился Украинским, несмотря на тяжелое положение войск и вызывавшийся этим ряд ходатайств об отпуске денег, не было получено от украинского правительства ни одного рубля или карбованца, ни даже одного указания» (ГАРФ 4: 43 об.).

Главным же обстоятельством, повлиявшим на ход и результаты ликвидации Румынского фронта, стала оккупация румынами Бессарабии: 7 января румынские войска перешли пограничную реку Прут и после месячных боев в ряде населенных пунктов заняли регион вплоть до Днестра. Причинами тому стали как объективные

обстоятельства – необходимость продовольственного и фуражного снабжения фронта и захват ресурсов региона для этой цели, так и субъективные – расчеты румынского правительства на послевоенное отторжение Бессарабии в свою пользу. Официально румыны утверждали, что целью вступления оккупационных войск в Бессарабию являются снабжение фронта, а также демобилизация русских войск. Таким образом, с января 1918 г. Румыния и Бессарабия фактически находились под контролем румынского правительства, от согласования действий с которым зависел ход ликвидации Румынского фронта.

В ситуации начавшейся в России гражданской войны и румынской интервенции в Бессарабии 24 января 1918 г. Д.Г. Щербачев отдал приказ по фронту № 1414 об образовании Комитета Румынского фронта по демобилизации под председательством начальника штаба 4-й армии Н.А. Монкевица. Помимо собственно русского состава, в комитет вошли и представители от румынской и французской армий. В первых числах февраля командармы, следуя распоряжению помглавкорума, установили срок для расформирования войсковых частей – до 3 недель, «после чего прекращается отпуск всякого довольствия». Расформирование подразделений предполагалось завершить не позже 15 февраля (РГВИА 1: 7).

Для проведения данных мероприятий в каждой армии создавалась демобилизационная комиссия. 28 февраля А.В. Геруа приказал «немедленно приступить к расформированию штабов армий, оставив лишь центральные ликвидационные комиссии, каковые и должны определить необходимое число чинов штаба, которое должно быть оставлено для полной ликвидации дел». Расформирование штабов следовало закончить к 5 марта (РГВИА 1: 95 об.).

Таким образом, к началу весны на Румынском фронте должны были остаться лишь демобилизационные структуры, решавшие задачи учета и складирования русского военного имущества. Военнослужащие к тому времени уже отправлялись на родину. Для работы на территории Бессарабии 18 февраля была сформирована тыловая демобилизационная комиссия в Кишиневе под председательством командира 24-го армейского корпуса В.П. Троянова, ранее командовавшего Чешско-Словацкой стрелковой бригадой (РГВИА 9: 26).

Отправка личного состава в Россию осуществлялась двумя основными способами: посредством формирования эшелонов с демобилизуемыми солдатами, отправлявшимися в глубь страны, и ухода из Румынии и Бессарабии национальных соединений собственными усилиями (польские корпуса – в Польшу, украинские – на Украину,

Мусульманский корпус – в Крым). Первый способ осуществлялся почти беспрепятственно, т. к. русские военнослужащие в Румынии и Бессарабии стали помехой для реализации интервенционистских целей румынского правительства. Второй способ оказался частично блокированным двинувшимися на Украину австро-германскими войсками (прежде всего, для польских соединений). Вдобавок часть военнослужащих приняла активное участие в гражданской войне в Бессарабии (особенно из подразделений 8-й армии), выпадая тем самым из общего демобилизационного процесса.

Если отъезд рядового состава не вызывал особенных трудностей и к тому же активно поддерживался румынами, то с офицерским корпусом дело обстояло сложнее, ибо офицерам вполне могла грозить гибель от красных, захвативших весь юго-западный регион России, за исключением занятой румынами Бессарабии. Поэтому судьба офицерского состава фронта складывалась по-разному. Часть офицеров возвратилась домой вместе с солдатами в войсковых эшелонах, часть пыталась пробираться самостоятельно, часть находилась в национальных корпусах либо ушла с добровольцами М.Г. Дроздовского на Дон. Тем не менее в армейских структурах и по окончании демобилизации личного состава оставалось немало офицеров, не решавшихся выехать в Россию и не желавших принимать участие во внутреннем конфликте.

Сознавая опасность возвращения для офицеров в охваченную гражданской войной Россию, да еще через наводненное красными войсками Приднестровье, помглавкорум пытался оказывать им поддержку, опираясь на помощь румын и союзных миссий. В начале марта румыны разрешили офицерам, не имевшим пока возможности выехать в Россию, временно остаться на жительство в Румынии. Для этого предоставлялся город Галац. Штаб Румынского фронта возбудил ходатайство, чтобы русским можно было проживать еще и в Яссах, Ботошанах, Романе, Бакэу и Бырладе. В середине месяца командиры соединений и подразделений получили запрос штаба фронта о том, желают ли подчиненные им офицеры остаться на жительство в Румынии или Германии. Телеграмма Щербачева от 17 марта требовала «срочно донести: 1) какое число офицеров армии желает оставаться временно на жительство в Румынии и в каких городах; 2) список офицеров, желающих проехать в Германию для временного жительства и проезда в дальнейшем в Россию; 3) общим числом количество солдат, желающих проехать через Германию в Россию» (РГВИА 1: 90, 93, 99).

Офицеры, остававшиеся на фронте весной – летом 1918 г. и не

получавшие жалования, финансировались по приказу помглавкорума Д.Г. Щербачева из сумм полевого казначейства (РГВИА 18: 14). В своей телеграмме в войска от 14 марта Щербачев указывал: «...зная тяжелое положение офицеров, оставшихся на фронте, часть коих несколько месяцев не получала содержания, и в то же время осведомленный о поступающих в полевое казначейство остатках денежных сумм демобилизационных частей, считаю себя обязанным прийти на помощь оказавшимся в бедственном положении офицерам, врачам и чиновникам». Щербачев просил все соединения сообщить количество состоящих в них офицеров, и в каких суммах таковые нуждаются (РГВИА 6: 11). После этого задержавшиеся в Румынии офицеры стали получать жалование. Например, в начале апреля на содержание офицеров и чиновников в Яссах было выделено 35 тыс. руб. (РГВИА 10: 28). Перечисления денег оставшемуся в Румынии русскому офицерскому составу продолжались до середины лета.

Вместе с тем румынское правительство не желало, чтобы российские военнослужащие даже теоретически имели возможность вмешаться в процессы ползучей оккупации Бессарабии и помешать им. Поэтому приказ Д.Г. Щербачева от 23 марта 1918 г. о возможности офицерам «временно задержаться в Румынии» указал особые условия. Такими условиями стали: «...1) действительная необходимость временно задержаться по условиям данного момента в Румынии; 2) полный отказ от какого-либо участия в политической деятельности и жизни как самой Румынии, так и вне ее; 3) соблюдение всех тех существующих в русской армии законов и правил поддержания порядка и должных взаимоотношений, коими определялись достоинства и честь русского воина и доброе имя единой русской военной семьи» (РГВИА 10а: 13). Спустя три недели приказом от 16 апреля устанавливалось, что русские офицеры не могли носить оружие на румынской территории. И не только оружия – приказ за подписью уже щербачевского преемника А.А. Пержхайло уточнял, что «ношение военной формы, но без оружия, согласно распоряжению румынских властей, разрешено лишь лицам, принадлежащим к составу ликвидационных органов фронта. Всем прочим надлежит снять все наружные знаки военной формы или же одеться в гражданское платье». Не желавшие остаться в Румынии должны были выехать не позже 21 апреля (РГВИА 5: 19).

Даже последние действия Д.Г. Щербачева уже после сложения с себя полномочий в конце марта также касались «обеспечения участи наших офицеров и организации им помощи для возможного обеспечения от нужды». Для этого помглавкорум сумел получить разрешение румынского правительства на проживание русских офицеров «без

ограничения времени» в ряде городов Румынии и Бессарабии. Также Щербачеву удалось создать особое попечительство под покровительством румынской королевы и председательством русского посланника в Румынии С.А. Поклевского-Козелл, в распоряжение которого передавались оставшиеся из особого фонда, полученного генералом от союзников на формирование Добровольческого корпуса (бригада М.Г. Дроздовского), 2 млн леев. Чтобы облегчить жилищный вопрос, румыны предоставили русским офицерам общежития и столовые в Яссах и Галаце и госпиталь в Ботошанах. К 1 июля уже было выдано пособий на 500 тыс. леев (ГАРФ 4: 41–42).

Вторым важным мероприятием демобилизации стала ликвидация конского состава армий Румынского фронта. При начале демобилизации полковые знамена отправлялись в Яссы в распоряжение русского посланника в Румынии, «оружие и орудия сдавались в местные склады, открытые в тылу позиции», которые охранялись румынами, а войсковое имущество и лошади продавались (ГАРФ 1: 17 об.). Последнее обстоятельство особенно примечательно, т. к. это дело зависело от румынских претензий. Еще до революции румыны купили в России 50 тыс. ремонтных лошадей (большинство – для обозов) и ожидали их прибытия из степных губерний империи. В 1917 г. выполнить свои обязательства российское правительство не смогло, поэтому при демобилизации Румынского фронта румынское командование стало настаивать на бесплатной передаче румынской стороне этих 50 тыс. лошадей уже из числа конского состава Румынского фронта (РГВИА 2: 12).

В пользу реализации румынского требования говорил и тот фактор, что в конце 1917 г. обострился вопрос выживания конского состава русских войск из-за нехватки фуража: «...лошади дошли до крайнего истощения, грозил массовый падеж их» (ГАРФ 4: 27 об.), солдаты отказывались от ухода за лошадьми и бросали их. Поэтому так или иначе приходилось передавать лошадей румынам. Между тем главные цели демобилизации конского состава заключались в следующих тезисах: «...1) сохранить армии нужных ей хороших лошадей; 2) возвратить русскому населению остальных пригодных для работ лошадей». Соблюсти эти цели было невозможно по объективным причинам, т. к. как армия расходилась по домам, а довести уцелевших животных располагавшихся в Румынии русских войск до крестьянских бессарабских хозяйств было нельзя из-за отсутствия корма (РГВИА 9: 6 об., 87).

Телеграмма Д.Г. Щербачева от 22 декабря 1917 г. предписывала направлять лошадей в приемно-сдаточные пункты «для дальнейшего направления в глубь страны и соответственной передачи земствам»:

8-я армия – Могилев, 9-я – Бельцы, 4-я – Оргеев, 6-я – Тирасполь (ГАРФ 3: 3). Однако выполнить это распоряжение ввиду общей анархии на Восточном фронте не удалось. В итоге войсковые лошади доставались лишь тем земствам, в районе деятельности которых находились русские войска, – прежде всего, 8-й армии, располагавшейся на территории Бессарабской губернии. Средняя цена лошади, продаваемой земствам, составляла 110–120 руб. за голову. Помимо того, в распоряжение земств «поступали также лошади, брошенные частями войск при демобилизации, происходившей в обстановке полной анархии» (РГВИА 17: 6, 9).

Штабу фронта пришлось ограничиться Бессарабской губернией: лошади направлялись на сдаточно-ликвидационные пункты в Бельцы (8-я и 9-я армии), Кишинев (4-я армия), район Бессарабская – Болград (6-я армия) (РГВИА 7: 11 об.). Пример ликвидации конского состава дает отчет заведующего демобилизацией лошадей 6-й армии Л.Ф. Шкадышека. Генерал Шкадышек сообщал штабу фронта, что план ликвидации состоял в следующем: 1) передача всех лошадей в Россию через сдаточные пункты; 2) передача румынам всех лошадей, брошенных русскими войсками; 3) продажа и передача бессарабскому земству, населению Бессарабии и частным лицам (офицерам), пожелавшим приобрести лошадей. Препятствия к успешной реализации: неимение перевозочных средств, противодействие румын, большевистское движение в войсках. Шкадышек отмечал: «Видно, что было много лиц, которым желательно было произвести возможно больший беспорядок в каждом деле, а особенно где задет денежный интерес... Аукционов мирного времени не производилось, а лошади выводились на базар; объявлялось о них в местных газетах. Препятствия к аукционам ставил Сфатул Цэрий и забирал лошадей сам» (РГВИА 4: 154).

Совместную русско-румынскую комиссию для обсуждения вопроса о продаже румынскому правительству лошадей русской армии возглавил генерал для инспектирования конского состава армий Румынского фронта С.Э. Шишко. Румыны хотели купить 30 тыс. лошадей подешевле, почему сбивали на них цену, апеллируя к нехватке фуража в русских войсках, что им и удалось – твердые цены составили минимум: тяжелая артиллерийская – 500 леев, легкая артиллерийская – 450, кавалерийская – 400, обозная – 300 леев. Притом румыны получили право выбора лошадей в войсках для закупки (РГВИА 11: 6–7).

Убедившись в возможности получения конского состава за минимальную цену, 25 января 1918 г. отдел коневодства румынского Военного министерства запросил штаб Румынского фронта о намерении приобрести еще 20 тыс. лошадей, преимущественно кобыл, и

20 тыс. забракованных лошадей за наличные деньги. В конце февраля румыны перестали покупать лошадей, и вследствие нехватки фуража эти животные (40 тыс. голов) пошли в вольную продажу (РГВИА 11: 30, 50).

Правда, организация торгов оказалась нечестной игрой: румынские власти стали запрещать населению участвовать в аукционах, одновременно собирая с него деньги для покупки русских лошадей. Русские же пытались получить хоть какую-нибудь сумму от ликвидации конского состава. Например, командир 490-й ополченской Владимирской дружины 7 марта доносил в штаб 6-й армии, что «со стороны румынских властей уже неоднократно были попытки к реквизиции казенных дружинных лошадей, которыми они очень заинтересованы». Просьба – позволить продать, чтобы не отобрали бесплатно, причем продать не на официальном аукционе, контролировавшемся румынскими властями, а напрямую (РГВИА 1: 9). В итоге купленные на аукционах лошади переходили в руки румынской армии, и продать удалось лишь тех животных, где сделка проводилась сразу с частным покупателем.

Подводя итог процессу продажи лошадей, преобразованный из Комитета по демобилизации Совет по ликвидации Румынского фронта 28 мая вынес постановление о немедленном переходе к рыночным торгам. Совет считал: «Принимая во внимание, что аукционная продажа не разрешается румынами и ими же принимаются все меры к устранению покупателей, могущих дать большую цену, а также что практика бывших аукционных продаж показала невыгодность этих продаж для казны, Совет постановил разрешить продажу имущества не с аукциона, а вольной продажей» (ГАРФ 3: 290). Правда, к этому моменту большинство животных, оставшихся в руках русских, были негодны к строевой службе. И все равно передача лошадей румынским комиссиям продолжалась еще летом 1918 г. (РГВИА 17: 2).

Таким образом, в деле ликвидации конского состава русских армий Румынского фронта наиболее годные животные достались румынам по минимальным ценам. С одной стороны, русские потеряли определенную сумму, с другой – лошадей все равно было бы некуда девать: в большинстве соединений лошади были брошены в Молдавии и Бессарабии или отняты румынами, часть пала от бескормицы, т. к. румыны захватили фураж. Согласно отчетам, из 463 713 войсковых лошадей централизованно было ликвидировано только 50 тыс. голов (ГАРФ 4: 25–28) (для сравнения: к концу декабря только в 4-й армии оставалось около 90 тыс. лошадей (РГВИА 14: 4)). Тем не менее штабом Румынского фронта с этих аукционов было выручено около 1 млн леев (РГВИА 12: 2 об., 11–12), которые затем пошли на поддержание

довольствия остававшегося в Румынии личного состава, поскольку жалование из России перестало поступать.

Главной целью своей деятельности по окончании демобилизации войск ликвидационная комиссия и штаб Румынского фронта ставили сохранение русского военного имущества для будущей России в условиях румынского давления и назревавшей и вскоре начавшейся германской интервенции. Чтобы усилить деятельность в этом отношении, в прифронтовой зоне работало несколько демобилизационных комиссий – в Кишиневе, Бендерах, Бельцах, Оргееве, Скулянах, Сороках, Унгенах. Во имя повышения авторитета данных структур в решении русско-румынских противоречий в составе армейских демобилизационных комиссий могли состоять союзные представители (например, в 6-й армии – французский подполковник Грене).

В своей практике румыны опирались на инструкцию от 10 февраля 1918 г., подписанную военным министром. Она вводила строгий запрет румынским воинским частям, частным лицам и учреждениям покупать русское имущество, т. к. первоначально то имущество, что признавалось румынскими властями им ненужным, продавалось с аукционов (РГВИА 2: 84). Теперь же все уже купленное отдельными лицами или организациями должно было быть возвращено на склады. Инструкция соглашалась с тем, что «все русское имущество, которое находится на территории Румынии или Бессарабии, остается собственностью русского государства, без права вывоза с территории, на которой оно находится, до новых распоряжений... Имущество и снаряжение, которое берется от разоруженных русских войск, будут сохраняемы румынскими властями в складах». Однако следующий тезис делал данное признание бессмысленным – перевозка имущества в Россию будет осуществляться «только в том случае, когда восстановятся все наши склады в России, которые, по донесениям, были взяты русскими войсками» (РГВИА 19: 3).

Действительно, не считая противоречивой и неоднозначной позиции сторон из-за бессарабского вопроса и проблемы румынского золотого запаса, румыны задерживали русское военное имущество еще и как гарантию за оставшееся в России румынское имущество на складах Херсонской губернии (РГВИА 18: 142). В мае уже находившийся в отставке Д.Г. Щербачев писал председателю Совета министров Румынии А. Маргиломану, что румынское правительство не вправе свободно распоряжаться русским военным имуществом, но может лишь задерживать его «в виде гарантии за оставшееся в России имущество Румынии». Щербачев уточнил, что, согласно докладу главного начальника снабжений Румынского фронта А.С. Санникова,

румынское имущество «находится в сохранности в складах Херсонской губернии» (РГВИА 8: 41).

Однако как мог Санников отвечать за склады, оставшиеся на оспариваемой большевиками, петлюровцами и австро-германцами территории? Это имущество, поставленное румынам через Россию западными союзниками в 1917 г. и оплаченное румынской стороной, в конечном счете, действительно, в большей своей части до Румынии так и не дошло. Малороссийские регионы оказались в огне гражданской войны, почему складированное вооружение и прочие предметы снаряжения достались различным сторонам гражданской войны и интервенции.

Имущество этих складов активно использовалось в военных действиях, и потому к лету 1918 г. его просто не существовало. Очевидно, что при таком подходе оставшееся в Румынии русское имущество переходило в руки румын. Таким образом, румынская инструкция от 10 февраля, как считали русские, фактически передавала «русское имущество в почти полное распоряжение румын». В определенной степени это было справедливо, т. к. за оставшееся на российской территории имущество румыны заплатили, но не получили его. Однако общая стоимость и количество имущества румынского в России и русского от Румынского фронта в Румынии были несравнимыми.

20 февраля, воспользовавшись первым натиском украинских представителей на штаб Румынского фронта, дабы не допустить передачи имущества Румынского фронта в руки Центральной Рады, румыны выпустили новую инструкцию. Основная мысль румынской инструкции от 20 февраля о порядке приема и хранения русского военного имущества в Румынии заключалась в том, что «русское командование не имеет права распоряжения над имуществом, принадлежащим его стране, по причине захвата большевиками складов и запасов румынского правительства, и потому до компенсации понесенных Румынией убытков подлежит пребыванию на территории Румынии, и без разрешения ее правительства никакие перемещения производимы быть не могут» (ГАРФ 3: 73).

Находясь под давлением румын, русские, прибегая к посредничеству союзников, старались юридически оформить фактический захват румынами военного имущества, в т. ч. военной техники. Например, по соглашениям от 14 и 23 февраля русские уступали румынам артиллерию трех дивизий и передавали орудия «на пополнение артиллерии 1-го армейского корпуса» (РГВИА 18: 145). Что касается боеприпасов, то в боях за Бендерскую крепость между румынами и красными в январе 1918 г. располагавшийся в ней тыловой артиллерийский запас Румынского фронта в значительной своей части

был уничтожен (РГВИА 14а: 18). По сведениям Комитета по демобилизации Румынского фронта на 8 марта 1918 г., через французскую миссию румынам было передано: 210 3-дм орудий образца 1902 г., 17 48-лин гаубиц, 10 45-лин английских гаубиц, 4 42-лин пушки, 2 6-дм пушки Канэ, 29 горных орудий, 140 зарядных ящиков и около 250 тыс. снарядов различного калибра (РГВИА 7: 51 об.).

Таким образом, противодействие румынской стороны и начавшаяся в России гражданская война вынудили оставить русское военное имущество Румынского фронта на территории Румынии и Бессарабии под доверенность союзников. В январе 1918 г. «за Днестром образовался большевистский фронт, прервавший всякую связь Румынского фронта с Россией». Поэтому «пришлось обратиться к изысканию мер для временного сохранения военного имущества в пределах Румынии и Бессарабии» (ГАРФ 4: 31).

В свою очередь русская сторона рассчитывала, что в будущем оставшееся в Румынии имущество будет передано России. Так, начальник штаба Румынского фронта А.В. Геруа доносил, что «ввиду сложившихся на территории России обстоятельств, лишающих возможности вести планомерную демобилизацию и эвакуацию имущества, русское командование полагает, что военное имущество, принадлежащее русским войскам Румынского фронта, находящееся на территории Румынии, может остаться в Румынии до новых распоряжений» (РГВИА 16: 37), т. е. до окончания гражданской войны в России.

Разумеется, в штабе фронта рассчитывали на достаточно быстрое падение советского правительства В.И. Ленина. Так, постановление Комитета Румынского фронта по демобилизации от 12 марта предписывало передать русские склады в ведение и под охрану румын «до конца существования складов, т. е. до эвакуации их в Россию, что, по всей вероятности, произойдет не ранее как через несколько месяцев» (РГВИА 8: 8). Следовательно, штаб фронта рассчитывал на падение советской власти до конца 1918 г., почему и предпринимались громадные усилия по складированию и сохранению военного имущества и вооружения.

Как бы то ни было, получить военное снаряжение русским представителям так и не удалось. В течение 1918 г. от претендовавшего на имперскую преемственность главнокомандующего Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина дважды в Румынию приезжали миссии с целью вывоза хотя бы части вооружения со складов бывшего Румынского фронта. Эта претензия опиралась на обещание союзников передать белым оружие и боеприпасы.

Столкнувшись с откровенным нежеланием румын пойти навстречу, белогвардейцы попытались действовать при посредничестве союзни-

ков, т. е. перейти от уговоров к дипломатическому давлению. 3 ноября 1918 г. Д. Г. Щербачев, остававшийся в Румынии, писал Деникину, что на Ясском совещании, где безуспешно шли переговоры о создании всероссийского правительства, было решено, помимо прочего, что «богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на все могущество союзников» (Головин 1937: 31).

Однако румыны, не желавшие восстановления единой России, чтобы не отдавать Бессарабию, это совещание проигнорировали. В результате любые заверения оказывались фикцией: отправленным в Румынию в разное время миссиям И. Г. Эрдели и М. А. Свечина, поднимавшим вопрос о передаче Добровольческой армии части военного снаряжения с русских складов, ничего получить не удалось. Румыны однозначно «отказались что-либо отдавать, считая все запасы своими, тогда как все находящиеся здесь склады были русскими» (Свечин 1964: 193).

Главной заботой штаба фронта стало сохранение российского вещевого имущества и военного снаряжения от расхищения его румынами. Дабы более успешно охранить русские интересы, ликвидационной комиссией была сделана попытка создать несколько больших общefронтowych складов, которые должны были появиться в Бельцах и на станциях Унгены, Соколы, Пырлица, Калараш, Бендеры, Рени. Склады имели разграничение по номенклатуре имущества: артиллерийские – Кишинев, Бельцы, Рени; интендантские – Кишинев, Бельцы, Рени, Болград; технические – Пырлица, Рени, Болград; санитарно-ветеринарные – Унгены, Рени; общий перегрузочный склад – Соколы. Однако «румыны отказывались давать разрешение на перевозку имущества по железным дорогам, русских же средств для своза его не было» (ГАРФ 4: 36).

Таким образом, эта попытка не удалась ввиду противодействия румын, не дававших перевозить русские грузы. Раздробленность на мелкие склады (более 200 единиц) позволяла румынам беспрепятственно присвоить часть русского имущества. Между русской администрацией складов и румынской охраной «возникали постоянные недоразумения», т. к. румыны вывозили имущество со складов, а в случаях уличения их списывали происходящее на отдельные недоразумения и инциденты (ГАРФ 4: 33).

Невозможность создания общefронтowych складов вынуждала русские военные власти ликвидировать те из них, что не могли остаться под русской охраной. Например, еще в январе 1918 г.

ввиду невозможности отправки части имущества в специальные склады управление Союза городов организовало склад в Рени, а в марте здесь был открыт центральный склад 6-й армии с разрешения румынского военного министра (РГВИА 1: 16, 27 об.). Склад в Рени возник «случайно, когда при стихийном беспорядочном движении солдатской массы с румынской территории бросалось солдатами в Рени на произвол судьбы оружие, снаряжение и прочее имущество всех видов и категорий» (РГВИА 2: 9). По собственному почину управление Союза городов стало его собирать и сортировать в складочные помещения: отдельно артиллерийское, инженерное, аптечное и прочее. Такой подход позволил провести опись собранного имущества.

В конце апреля Управление фронтовыми складами было переформировано в Управление по ликвидации, которое 28 апреля возглавил С.К. Добrorольский. Примечательно, что в конечном счете дело дошло до продажи складов румынам на территории Бессарабии, а сам Добrorольский выступил против, «так как этим признавалось бы косвенно согласие на отчуждение Бессарабии от России» (РГВИА 10: 50, 61 об.). Как видно, цели вступления румынских войск в Бессарабию не являлись секретом для русских военных.

В итоге было решено «передать все имущество на хранение румынскому правительству» (ГАРФ 4: 32–33 об.). Этот процесс затянулся до 1 июля 1918 г. Русские власти стремились ускорить составление описей складированного на румынской и бессарабской территории военного имущества, чтобы задокументировать передачу складов под охрану официальным порядком. Русские отметили, что, «несмотря на теоретическое признание румынским правительством неприкосновенности русского имущества, на деле румынские органы, заведующие приемкой имущества, пользуясь тем, что охрана наших складов находилась в их руках, нередко противодействовали нашим делегатам в производстве точного учета имущества, стараясь уменьшить количество его в свою пользу, а также допускали хищения его и даже незаконную продажу» (ГАРФ 4: 39 об.).

Пример – акт интендантства 2-го армейского корпуса от 20 марта 1918 г. (город Пашканы), в котором отмечалось, что, начиная уже с января, румыны расхищали русское имущество, особенно с момента, когда к складу была приставлена румынская охрана: «...румынские часовые не только не препятствовали хищению, а наоборот, способствовали, принимая в этом деятельное участие». Если русская администрация или военнослужащие пытались препятствовать, то румыны могли и избить русских, угрожая оружием. В процессе захвата особенно усердствовал комендант станции Пашканы Войтеско (РГВИА 13: 12–13).

Румыны стремились возместить за счет фронтового имущества те убытки, которые они понесли от войны и из-за большевистского движения в России. Как отмечал «Отчет о демобилизации», «это явно выражалось в противодействии низших румынских органов власти выполнению нами демобилизационных предначертаний, и то же стремление, прикрытое приличной формой, сквозило в издаваемых румынами инструкциях по сбору, заведыванию и охране нашего имущества». В качестве инструментов борьбы с румынским влиянием русская сторона использовала протесты, контринструкции, компромиссы, апелляции к авторитету союзных миссий (ГАРФ 4: 36–37 об., 39 об.).

В целом русской стороне все-таки удалось провести инвентаризацию большей части военного имущества Румынского фронта. Т. е. большая часть русского имущества была передана румынам на хранение по описи и документации. По минимальным подсчетам, на добрую волю румын было оставлено около 200 русских складов стоимостью не менее 1 млрд руб. Что касается расходов, то отчет ликвидационной комиссии Управления интенданта армий Румынского фронта указал, что всего на дело ликвидации было израсходовано 1 233 295 руб. 23 коп. (РГВИА 15: 4).

По мере развития событий румынские власти расформировывали русские отряды, все еще остававшиеся в Румынии и занимавшиеся вопросами демобилизации. К началу марта на Румынском фронте осталось совсем немного русских рядовых военнослужащих – несколько сот солдат при ликвидационных комиссиях в 9-й армии; в 4-й армии – 12,2 тыс. солдат; в 6-й армии – Мусульманская дивизия и 1,5 тыс. солдат сибирских дивизий (ГАРФ 6: 467, 487). Соединения 8-й армии, как говорилось выше, развалились, и демобилизация там прошла хаотично, с участием части военнослужащих в явлениях гражданской войны на территории Бессарабии.

Потому русская сторона не имела возможности непосредственно охранять склады (личный состав разъезжался по домам) и стремилась провести инвентаризацию и опись оставляемого в Румынии имущества – такой подход позволял сохранить содержимое складов для России. Румынская телеграмма Д.Г. Щербачеву от 21 марта сообщила, что для сохранения русского имущества на территории Румынии создаются склады под надзором русских и румынских офицеров, но под вооруженной румынской охраной, «ибо никакие другие власти не могут быть признаны на территории Румынии». Румыны особо оговорили, что русские войска (к тому времени очень немногочисленные) будут снабжаться продовольствием «согласно списков людей, находящихся налицо» (РГВИА 18: 149).

В ситуации, когда германское командование подписало с румынским правительством договор, передававший Бессарабию румынам, штабу Румынского фронта оставалось только самоликвидироваться. Приказ Д.Г. Щербачева от 12 марта 1918 г. гласил, что 15 марта увольняются солдаты последних сроков призыва, а с 18 марта деятельность штаба прекращается и его расформирование должно пройти до 23 марта (РГВИА 3: 466). Сам помглавкорум сложил свои полномочия 25 марта. Дмитрий Григорьевич Щербачев передавал их главному начальнику комиссии по демобилизации и ликвидации Румынского фронта врид командующего 6-й армией А.А. Пержхайло (ГАРФ 2: 5) и до конца 1918 г. проживал в имении, предоставленном ему румынами.

Таким образом, прошедшая в первой половине 1918 г. ликвидация русской части Румынского фронта (четыре армии) носила достаточно организованный и эффективный характер. Особенностью процесса демобилизации стал румынский фактор, т. к. войска Румынского фронта располагались на территории румынской Молдовы и вскоре попавшей под румынскую оккупацию русской Бессарабии. Румынский фронт был единственным, где демобилизация проходила во взаимодействии с интервентами-союзниками по Первой мировой войне.

Если на прочих фронтах демобилизация прошла в большинстве случаев стихийно (особенно на Кавказском фронте) и во многом характеризовалась развалом войсковых структур, то на Румынском фронте удалось централизованно продать часть конского состава фронта, а также сосредоточить в складах большую часть военного имущества, принадлежавшего России, не допустив полной его гибели и расхищения. Предполагалось, что сохраненное имущество фронта по окончании гражданской войны будет возвращено новому российскому правительству, которое станет законным правопреемником старой власти.

Однако победа большевиков и непризнание советской власти европейскими государствами (равно как и непризнание Советом народных комиссаров оккупации Бессарабии) означали, что военное имущество бывшего Румынского фронта, сохранявшееся весь период русской гражданской войны (так, в 1918–1919 гг. румыны отказались передать вооружение представителям А.И. Деникина), в конечном счете достанется Королевству Румыния.

ЛИТЕРАТУРА

Головин 1937 – Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж, 1937. Ч. V.

Свечин 1964 – Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.

- ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ).
Ф. 5881. Оп. 2. Д. 442.
ГАРФ 2 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 4.
ГАРФ 3 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 154.
ГАРФ 4 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238.
ГАРФ 5 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577.
ГАРФ 6 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9.
РГВИА 1 – Российский государственный военно-исторический архив
(далее – РГВИА). Ф. 2126. Оп. 3. Д. 94.
РГВИА 2 – Ф. 2126. Оп. 6. Д. 2.
РГВИА 3 – Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15.
РГВИА 4 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 3.
РГВИА 5 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 5.
РГВИА 6 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 12.
РГВИА 7 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 16.
РГВИА 8 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 63.
РГВИА 9 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 66.
РГВИА 10 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 67.
РГВИА 10а – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 68.
РГВИА 11 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 77.
РГВИА 12 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 78.
РГВИА 13 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 118.
РГВИА 14 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 138.
РГВИА 14а – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 160.
РГВИА 15 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 164.
РГВИА 16 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 173.
РГВИА 17 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 176.
РГВИА 18 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 193.
РГВИА 19 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 194.

REFERENCES

- Golovin, N.N. (1937) *Rossiyskaya kontrrevolyutsiya v 1917–1918 gg.* [The Russian counterrevolution in 1917–1918]. Paris: [s.n.].
Svechin, M.A. (1964) *Zapiski starogo generala o bylom* [Notes of the old General about the past]. Nice: [s.n.].
The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 442.
The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 4.
The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 154.
The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 238.
The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 577.
The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2126. List 3. File 94.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2126. List 6. File 2.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2086. List 1. File 15.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 3.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 5.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 12.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 16.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 63.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 66.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 67.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 68.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 77.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 78.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 118.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 138.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 160.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 164.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 173.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 176.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 193.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 194.

Оськин Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Россия).

Maxim V. Os'kin – Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association (Russia).

E-mail: maxozv@yandex.ru